

Св. Иоаннь Златоустъ и его враги.

Свою характеристику личности св. Иоанна Златоуста мы начнемъ указаніемъ нѣкоторыхъ біографическихъ подробностей, подѣ влияніемъ которыхъ сложился характеръ и нравственный обликъ великаго святителя. Наша цѣль въ настоящемъ случаѣ состоитъ только въ томъ, чтобы намѣтить основныя черты его личности, элементы, изъ которыхъ она слагалась.

Иоаннь родился въ 347 году въ цвѣтущемъ и культурномъ центрѣ сирійскаго востока, въ богатой Антіохіи, гордившейся длиною своей главной улицы, роскошными портиками, ее украшавшими, общественными банями, прекраснымъ водопроводомъ и единственнымъ въ то время по щедрости и благоустройству освѣщеніемъ улицъ. Отецъ его, Секундъ, занималъ важную должность въ войскѣ и принадлежалъ къ богатой и знатной фамиліи. Мать Златоуста, Анеуса, овдовѣвъ на двадцатомъ году жизни, осталась вѣрна безвременно разбитому брачному союзу и посвятила свое вдовство воспитанію сына. Это была одна изъ тѣхъ христіанскихъ женщинъ, которыя высокою своего характера приводили въ изумленіе язычниковъ. Самъ Златоустъ рассказываетъ, что когда его учитель, Ливаній, узналъ о раннемъ и стойкомъ двадцатилѣтнемъ вдовствѣ его матери, то, обращаясь къ окружающимъ, воскликнулъ: „ахъ, какія у христіанъ есть женщины“! ¹⁾ Такимъ образомъ, Иоаннь происходилъ изъ богатой и культурной среды и изъ семьи, въ которой высокому положенію

¹⁾ Златоустъ, Творенія, т. I, стр. 371. Творенія св. Иоанна Златоуста цитируемъ по русскому переводу, изданному спб. духовной академіей. Въ видахъ сокращенія указываемъ только томъ и страницу.

соотвѣтствовало и моральное достоинство. Отсюда онъ вынесъ прекрасное знаніе свѣта и быта высшихъ слоевъ общества, понятій, стремленій и предразсудковъ этого круга. Знаніе это было настолько полно и тонко, что впоследствии удивляло слушателей Златоуста. Объ этомъ самъ онъ говоритъ въ одной изъ своихъ проповѣдей: „кто-нибудь, пожалуй, подумаетъ, что я самъ имѣлъ большія богатства, когда такъ вѣрно изображаю жизнь богачей“ ¹⁾. Отсюда же онъ вынесъ то чувство чести и достоинства, которыя развиваются у лучшихъ представителей высшихъ классовъ, инстинктивно стремящихся согласовать свое моральное состояніе съ выдающимся положеніемъ въ обществѣ. Златоуста отталкивало все низменное, грубое, вульгарное. Когда онъ говоритъ о пьянствѣ, всякаго рода оргіяхъ и чувственныхъ излишествахъ, то за религіозно-нравственной аргументаціей чувствуется это, сдѣлавшееся второй природой, отвращеніе къ позорному и низменному. Тоже самое сказывается на тѣхъ страницахъ, гдѣ онъ говоритъ о жестокомъ обращеніи съ прислугой, особенно съ рабынями. „Благородному мужу непозволительно бить служанку и налагать на нее руки“ ²⁾. „Ты, обращаясь къ знатной дамѣ, осыпаешь бѣдную служанку тысячею бранныхъ словъ, называя ее ессалинкою, бѣглянкой, проституткой... Ты, будучи благородной женщиной, произносишь постыдныя слова и этимъ ты не столько-ли же безчестишь себя, сколько и ее?“ „Уже ли ты не понимаешь, какъ тебѣ неприлично бить женщину? Законодатели, установившіе много наказаній для мужчинъ,—и костры и пытки, рѣдко приговариваютъ къ этому женщину, но простираютъ строгость только до сѣченія розгами... Неприлично мужчинѣ бить женщину, если же неприлично это мужчинѣ, то тѣмъ болѣе той, которая одного съ ней пола“ ³⁾.

Предназначая себя для юридической карьеры, въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ Іоаннъ поступилъ подъ руководство знаменитаго въ свое время языческаго софиста Ливанія и прошелъ здѣсь школу, которая, развивъ въ немъ природный ораторскій талантъ, подготовила въ его лицѣ знаменитаго христіанскаго проповѣдника. Среди учениковъ Ливанія это

¹⁾ Ibid. т. XI, 416.

²⁾ Ibid. т. X, стр. 263.

³⁾ Ibid. т. XI, стр. 133—134.

былъ самый выдающийся по силѣ таланта и успѣхамъ. Говорятъ, что на своемъ смертномъ одрѣ глава школы сказалъ окружающимъ его ученикамъ, что былъ бы радъ видѣть своимъ преемникомъ Іоанна, если бы его не похитили христіане. Св. Исидоръ Пелузіотъ сохранилъ въ своихъ сочиненіяхъ письмо Ливанія къ Іоанну, въ которомъ учитель съ восторгомъ отзывается объ одномъ изъ недошедшихъ до насъ сочиненій своего бывшего ученика, составленномъ, видимо, по всѣмъ правиламъ реторики вскорѣ по выходѣ автора изъ школы. Съ своей стороны въ качествѣ литературнаго стиля, характеризующаго бесѣды св. Іоанна, Исидоръ Пелузіотъ отмѣчаетъ красоту и обиліе мыслей, чистоту аттицизма и совершенную ясность изложенія. Такимъ образомъ отъ софиста Ливанія Іоаннъ получилъ орудіе, которымъ такъ искусно владѣлъ и которымъ по преимуществу пользовался въ своей дѣятельности,—умѣнье говорить красиво, убѣдительно, въ высшей степени ясно и доступно для всякой аудиторіи.

Подобно многимъ отцамъ церкви, въ своей юности Златоустъ избралъ для себя профессію юриста и въ качествѣ адвоката имѣлъ значительный успѣхъ и блестящія перспективы въ будущемъ. Но послѣ кратковременнаго увлеченія своими новыми обязанностями и сценическими увеселеніями, подъ вліяніемъ отталкивающихъ впечатлѣній алчной, мелочной и лишенной нравственныхъ устоевъ среды, которая окружала его на форумѣ, а также по настоянію товарища и друга дѣтства, Василія, онъ покидаетъ свѣтскую жизнь для уединенныхъ занятій св. писаніемъ и подвиговъ благочестія. Поддаваясь обаянію аскетическаго идеала, увлекавшаго тогда чистую и наиболѣе одаренную юность, онъ стремится въ монастыри, во множествѣ разсѣянные по возвышенностямъ, окружавшимъ городъ, но уступая просьбамъ матери не покидать ее въ старости и охраняемый ею отъ всякихъ житейскихъ заботъ и дѣлъ, онъ замыкается въ своемъ собственномъ домѣ и проводитъ время въ суровыхъ аскетическихъ подвигахъ, о которыхъ самъ упоминаетъ въ третьемъ словѣ О священствѣ ¹⁾. Въ 374 или 375 году, вѣроятно, вслѣдствіе смерти матери, удерживавшей его въ мірѣ, Златоустъ получилъ, наконецъ, возможность осуществить свою юношескую

¹⁾ Златоустъ. Творенія, т. I, стр. 395—398.

мечту о монастырѣ. Онъ удалился въ одну изъ ближайшихъ обитателей и въ теченіе четырехъ лѣтъ подвергалъ себя аскетическимъ лишеніямъ подъ руководствомъ извѣстнаго своею строгостію и высотой жизни подвижника Сира, а затѣмъ два года провелъ отшельникомъ въ уединенной пещерѣ ¹⁾. Привыкшій къ удобствамъ жизни, Златоустъ рѣшился на этотъ шагъ не безъ колебаній. „Когда я пришелъ къ мысли, оставивъ городъ, уйти въ кельи монаховъ, рассказываетъ онъ, то много раздумывалъ и беспокоился о томъ, откуда мнѣ будетъ доставляемо необходимое, и можно ли будетъ ѣсть хлѣбъ, испеченный въ тотъ же день; не заставить ли меня употреблять одно и тоже масло и въ свѣтильникѣ и въ пищѣ, не принудятъ ли питаться жалкими овощами, не отправятъ ли на тяжелую работу, приказавъ напр. рубить дрова, таскать воду и исполнять всѣ прочія такія службы? И вообще у меня было много заботъ о своемъ покоѣ“ ²⁾. Но отъ этихъ заботъ онъ скоро освободился, отдавшись всей душой самоотреченію и трудамъ. Извѣстно, что разстроенное здоровье и особенно болѣзнь желудка—слѣдствія чрезмѣрныхъ постовъ и лишеній—вынудили его возвратиться въ 380 г. въ Антиохію.

Монастырь и жизнь, полная лишеній, также оставили свой слѣдъ на его личности. Въ міръ онъ возвратился горячимъ поклонникомъ монашества и въ защиту аскетическаго идеала составилъ цѣлый рядъ сочиненій, ознаменовавшихъ его первые шаги на литературномъ поприщѣ. Сюда относятся: Увѣщанія къ Теодору падшему. Къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни, Сравненіе власти, богатства, преимуществъ царскихъ съ истиннымъ и христіанскимъ любомудріемъ монашеской жизни, два слова О сокрушеніи—Къ Димитрію монаху и Къ Стелехію, Къ Стагирію, Книга о дѣвствѣ. Правда, съ теченіемъ времени это увлеченіе господствующимъ идеаломъ эпохи замѣтно остываетъ подъ влияніемъ жизненнаго опыта, познакомившаго проповѣдника и съ злоупотребленіями монашества, и съ трогательной простотой добродѣтели въ мірѣ, но не исче-

1) Palladii, ep. Helenop. Dialogus historicus c. V. Chrysestomi opera omnia Ed. Mottaucou. T. XIII p.17.

2) Златоустъ. Творенія, т. 1, стр. 139.

заеть вполнѣ. Важнѣе вліяніе аскетической дисциплины на характеръ стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ и непреклоннаго въ исполненіи своего пастырскаго долга святителя. Отъ природы онъ былъ надѣленъ смѣлымъ и независимымъ сердцемъ, но это не всегда еще бываетъ достаточнымъ для полноты нравственной свободы. Для нея необходимы еще религіозные и нравственные устои. Свобода и вѣншее благосостояніе или, вѣрнѣе, свобода и привычка, пристрастіе къ вѣншему благополучію несовмѣстимы. Если желаешь сохранить для себя спокойствіе, положеніе и удобства жизни, то будешь вынужденъ ограничить свою свободу по отношенію къ тѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ находятся всѣ эти, привлекательныя для большинства, вещи. Молодое, искреннее увлеченіе аскетизмомъ освободило Златоуста отъ этого естественнаго пристрастія къ вѣншему и нравственно и, такъ сказать, физически,—нравственно, потому что неподдѣльно было его презрѣніе ко всему, не имѣющему нравственнаго значенія, и физически, потому что у него образовалась привычка, тщательно поддерживаемая въ теченіе всей жизни,—довольствоваться малымъ и самымъ необходимымъ. Превознося монашество въ перечисленныхъ трактатахъ, онъ выдвигаетъ на первый планъ именно эту независимость искреннихъ монаховъ отъ вѣншихъ благъ и условій, находящихся вѣ нашей воли. За то съ негодованіемъ бичуетъ онъ лицемѣрныхъ монаховъ, которыхъ такъ мѣтко онъ характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ: „что широкихъ вратъ желаютъ и домогаются нѣкоторые изъ мірянъ, это не очень удивительно; но что мужи, которые, повидимому, расцались для міра, ищутъ ихъ болѣе, чѣмъ міряне, это изумительно, даже походить на загадку. Отъ всѣхъ почти монаховъ, если пригласишь ихъ на какое-либо дѣло, тотчасъ услышишь прежде всего вопросы въ такихъ словахъ: можно-ли имъ найти покой, можетъ ли пригласившій успокоить ихъ; постоянно повторяется слово: *покой*“ ¹⁾. За то о самомъ себѣ онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать въ бесѣдѣ предъ отправленіемъ въ ссылку: „много волнъ и сильна буря; но мы не боимся потопленія, потому что стоимъ на камнѣ... Все страшное въ мірѣ для меня презрѣнно, а бла-

¹⁾ Ibid. т. I, 139

гопріятное смѣшно. Я не боюсь бѣдности, не желаю богатства; не страшусь смерти, не желаю жить, развѣ для вашего преуспѣянія“¹⁾. Для него, вслѣдствіе аскетическихъ привычекъ, стало нечего терять, и взамѣнь этого онъ получилъ то, что такъ выразительно называлось по гречески словомъ *λαῖψία*,—смѣлость сказать все до конца и всякому.

Въ своихъ аскетическихъ подвигахъ и занятіяхъ св. писаніемъ Златоустъ не былъ одинокъ. Онъ былъ членомъ небольшого кружка одинаково настроенныхъ друзей и имѣлъ замѣчательнаго руководителя. Его друзьями были упомянутый уже Василій, Максимъ, въ послѣдствіи епископъ Селевкійскій, и Θεодоръ, съ 392 или 393 г. епископъ Мопсуестіи, а учителемъ и руководителемъ—Діодоръ, будущій епископъ тарсійскій, а въ то время знаменитый аскетъ и настоятель одного изъ ближайшихъ монастырей. Такъ установилась тѣсная связь между Златоустомъ и двумя наиболѣе видными представителями антиохійской школы. Это обстоятельство имѣетъ большую важность для пониманія личности и характера дѣятельности святителя, памяти котораго посвященъ настоящій очеркъ. Поэтому мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на отличительныхъ особенностяхъ того богословскаго направленія въ древней церкви, которое извѣстно подъ названіемъ антиохійской школы. Двѣ выдающихся черты характеризуютъ собою это направленіе.

Первая черта—преобладаніе въ религіозности антиохійцевъ моральнаго элемента надъ мистическимъ, обостренный интересъ къ нравственной самодѣятельности, высокая оцѣнка моральной воли, ея усилій и подвиговъ. Форма религіозности всегда находитъ для себя выраженіе и, такъ сказать, опознаетъ себя въ тѣхъ отвлеченныхъ положеніяхъ, касающихся теоретической стороны вѣры, которыя называются догматами. Догматическія понятія антиохійской школы какъ въ ученіи ея древнѣйшихъ представителей, такъ и въ доктринахъ основателей ея новаго періода несутъ на себѣ неизгладимую печать указаннаго нами религіознаго интереса. Въ ученіи о личности І. Христа школу характеризуетъ адопціанство въ различныхъ его формахъ и видахъ. Вотъ рядъ фактовъ въ подтвержденіе этого.

¹⁾ Ibid. т. III, стр. 444.

Къ древнѣйшимъ антиохійскимъ богословамъ можно отнести уже Павла Самосатскаго. Его осужденное церковью ученіе о личности Христа важно для насъ только со стороны своей тенденціи. Христось, по ученію Павла, есть простой человѣкъ, родившійся сверхъестественнымъ образомъ отъ Дѣвы Маріи. Съ Нимъ соединился Божественный Логось, безличная божественная сила, отъ вѣчности исходящая отъ Бога и дѣйствовавшая въ Моисеѣ, пророкахъ и другихъ лицахъ. Христось сравнительно съ другими пророками лишь въ большей мѣрѣ былъ осѣненъ этой благодатною силой. Но человѣкъ Иисусъ пламенѣлъ неизмѣнною любовью къ Богу, воля его была чиста и нравственные подвиги высоки. За это, по мѣрѣ Его нравственнаго преслѣянія, Богъ ниспосылалъ Ему все большую благодать. Онъ далъ Ему силу творить чудеса и знаменія, даровалъ Ему имя выше всякаго имени, власть творить судъ и возвелъ въ божественное достоинство.

Ученикъ и соотечественникъ Павла, мученикъ Лукіанъ, котораго называютъ „Аріемъ прежде Арія“, и всѣ „солукіанисты“ во главѣ съ инициаторомъ аріанскихъ споровъ удерживаютъ идею Искупителя, возвышающагося до Божественнаго достоинства путемъ нравственной борьбы и подвига, но съ человѣка Иисуса переносятъ ее на ангелоподобное существо, вызванное къ бытію творческимъ актомъ. Ранѣе созданія міра Богъ сотворилъ личное существо, Логоса, который по природѣ своей не стоитъ внѣ возможности грѣхопаденія, будучи надѣленъ, какъ и ангелы, свободою выбора. Предвидя въ Логосѣ неизмѣнность воли и стремленія къ добру, Богъ напередъ сообщилъ Ему все богатство своей благодати. При помощи благодати и собственныхъ усилій Логось возвышается до степени „Единороднаго Бога“.

Въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ, но та же высокая оцѣнка нравственнаго подвига характеризуетъ собою ученіе друга Іоанна Златоуста, Теодора Мопсуетскаго, и конечно этою чертою своего ученія послѣдній обязанъ общему руководителю подвижническаго кружка антиохійской молодежи, Діодору. Теодоръ признавалъ безусловную свободу воли, и свободныя усилія считалъ исходной точкой въ дѣлѣ спасенія. Только по мѣрѣ вѣры и трудовъ ниспосылается человѣку благодать Св. Духа, не оправдывающая и не освящаю-

щая его въ настоящей жизни, а лишь нѣсколько помогающая ему бороться съ силою грѣховныхъ наклонностей, живущихъ въ нашей душѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ взглядомъ на спасеніе стоитъ и христологія Теодора, проникнутая традиціоннымъ адопціанизмомъ. Послѣ Никейскаго собора и торжества православія надъ аріанствомъ для адопціанства не могло быть мѣста въ ученіи о Божественной природѣ Христа, но оно могло еще сказаться въ богословскихъ теоріяхъ, касающихся вопроса о соединеніи природъ въ исторической личности Искупителя. Придавая важное значеніе назидательному примѣру жизни и подвиговъ Спасителя, Теодоръ съ особенною настойчивостью говоритъ объ Его нравственной борьбѣ, усиліяхъ и побѣдѣ. Не чуждый склонности ко грѣху, искушеній и общечеловѣческихъ слабостей, Христосъ велъ борьбу со своею плотію и искушеніями душевными. Въ Геосиманскомъ саду Онъ изнемогалъ отъ страха и боязливости, устрашаемый надвигающимися страданіями, но силою своей воли побѣдилъ слабость человѣческой природы. Божество, обитавшее въ Немъ, только ускоряло Его естественное нравственное развитіе и облегчало для Него тяжесть нравственной борьбы. По мѣрѣ нравственнаго роста человѣка Іисуса, происходило все болѣе и болѣе тѣсное соединеніе Его съ обитавшимъ въ Немъ Богомъ Словомъ. И только по воскресеніи Іисуса Богъ-Слово вступилъ съ Нимъ въ полное и нераздѣльное нравственное единеніе, сдѣлавъ Его предметомъ поклоненія для людей и ангеловъ и даровалъ Ему имя паче всякаго имени. Цѣня въ лицѣ Искупителя главнымъ образомъ чистую нравственную личность, силою своей свободной воли возвышающуюся до божественной славы, Теодоръ не могъ допустить тѣснаго, ипостаснаго соединенія двухъ природъ во Христѣ и считалъ это единеніе Бога Слова съ воспріятымъ человѣкомъ только нравственнымъ и внѣшнимъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ ясно обнаруживается, какое значеніе и цѣнность имѣла въ глазахъ антиохійскихъ богослововъ моральная сторона религіи. Идея существа, достигающаго божественнаго достоинства энергіей нравственной самодѣятельности, красною нитью проходитъ черезъ всю исторію вѣроученія антиохійцевъ.

Вторая отличительная черта антиохійской школы касается

экзегетики и способа толкованія св. писанія. Она проявляется уже въ послѣоригеновское время, начиная съ Діодора и Θεодора, и отчасти обязана своимъ происхожденіемъ тому научному возбужденію, которое исходило отъ великаго александрійскаго учителя и чрезъ посредство основанной имъ кесарійской бібліотеки передавалось на востокъ. Въ библейскихъ работахъ Оригена совмѣщается строго научный критическій методъ съ мистико-аллегорическимъ пониманіемъ текста. Уже одного колоссальнаго предпріятія—подвергнуть ревизіи текстъ св. писанія, какъ оно выполнено въ знаменитыхъ экзаплахъ и тетраплахъ Оригена, было бы достаточно, чтобы показать, насколько была для него важна строго научная работа въ этой области. Объ этомъ же свидѣлствуютъ и его комментаріи, въ которыхъ выясненію буквальнаго смысла священнаго текста путемъ снесенія параллельныхъ мѣстъ, филологическихъ, географическихъ, историческихъ и археологическихъ справокъ удѣлено не мало мѣста. Но все это для Оригена, желавшаго быть христіанскимъ гностикомъ, представлялось не болѣе, какъ черновой работой. Его душа съ юныхъ лѣтъ находила истинное удовлетвореніе въ поискахъ духовныхъ истинъ и глубокихъ философскихъ идей, скрывающихся подъ оболочкой символовъ и покровомъ буквы. Антиохійская школа въ своей экзегетикѣ оставила въ сторонѣ то, что было самого дорогого для Оригена, и посвятила свои силы главнымъ образомъ тому, что въ Александріи признавалось менѣе важнымъ. Не отрицая вполне типологическаго значенія писанія, антиохійскіе экзегеты съ особенною любовію занимались выясненіемъ прямого, буквальнаго, историческаго смысла бібліи. Для нихъ было важно открыть ту мысль, которую влагалъ въ слова самъ писатель извѣстной книги. Они старались достигнуть этого изслѣдованіемъ особенностей языка священныхъ книгъ, свойственнаго имъ стилю, подлиннаго значенія употребляющихся въ нихъ метафоръ, троповъ и образныхъ выраженій, установленіемъ контекста рѣчи и логической связи, въ которой стоятъ ея отдѣльныя части, изысканіями въ области исторіи, быта, географіи и археологіи Палестины. Они впервые почувствовали, какой неисчерпаемый источникъ нравственнаго обновленія, какой лучезарный свѣтъ содержится въ просто и буквально понимаемомъ текстѣ писанія, и это связываетъ

вторую отличительную черту антиохійской школы—историческій методъ толкованія библіи—съ первой—преобладаніемъ нравственнаго интереса въ ея религіозномъ настроеніи.

Такова была нравственная атмосфера того избраннаго кружка, въ которомъ Іоаннъ воспитывалъ себя для Бога, церкви и человѣчества. Отсюда онъ вынесъ глубокое уваженіе къ моральной сторонѣ религіи и умѣнье пользоваться непосредственнымъ смысломъ библіи для проведенія въ жизнь высокихъ нравственныхъ идеаловъ. Кто хоть сколько нибудь читалъ Златоуста, тотъ не могъ не изумляться обширности его познаній въ св. писаніи и искусству извлекать изъ текста нравственныя идеи и примѣры добродѣтели. Поразительна здѣсь находчивость и остроуміе проповѣдника. Каждый оборотъ рѣчи, каждый предлогъ, глагольная форма, незначительныя и неувидимыя подробности въ его рукахъ оживаютъ, наполняются глубокимъ нравственнымъ содержаніемъ, превращаются въ цѣлыя картины, яркія и выхваченныя изъ самой жизни. Въ подтвержденіе этого достаточно сослаться на его бесѣды о богатомъ и Лазарѣ или на описаніе гостепріимства Авраама ¹⁾.

Таковы основные элементы, изъ которыхъ слагается личность св. Іоанна Златоуста.

Обращаясь къ характеристикѣ личности Златоуста, мы сначала скажемъ о томъ, чѣмъ онъ не былъ, какимъ его не слѣдуетъ представлять себѣ.

Прежде всего св. Іоаннъ не былъ администраторомъ или организаторомъ силъ. Его воля направлялась не къ тому, чтобы изъ церкви сдѣлать учрежденіе, покоящееся на внѣшнихъ устояхъ политическаго, правового и экономическаго характера. Въ этомъ отношеніи антиохійскій проповѣдникъ является прямою противоположностью Василія Великаго. Духъ Василія былъ обращенъ преимущественно къ внѣшнему. Человѣкъ знатнаго происхожденія и очень богатый, онъ выдавался среди друзей прирожденною способностью властвовать и создавать всюду прочную организацію. Противникъ благотворительности, руководимой исключительно внушеніями сердца и позволяющей злоупотреблять собою,

¹⁾ Златоустъ. Творенія. Т. V, стр. 566—568. Ср. еще VII, 442—443. XI 895—896.

онъ создаетъ обширныя благотворительныя учрежденія и дома трудолюбія со строгими порядками. Насадивъ монашество въ Каппадокіи, онъ тотчасъ же даетъ ему уставъ. Занимая должность пресвитера и юридически не имѣя никакихъ административныхъ полномочій, фактически онъ несъ на себѣ обязанности епископа и завѣдывалъ всѣми епархіальными дѣлами. Въ санѣ епископа онъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ церковныхъ правилъ и очень скоро достигъ того, что подчиненный ему клиръ сталъ образцовымъ. Церковь во время его епископства, по выраженію церковнаго историка, напоминала ночное сраженіе, когда въ глубокомъ мракѣ противники, перемѣшавшіе свои ряды, перестаютъ отличать враговъ отъ друзей. Василій собираетъ разбѣяныя силы православныхъ. Онъ входитъ въ сношеніе съ единомышленниками, привлекаетъ путемъ разумныхъ уступокъ на сторону православія полурианъ, пріобрѣтаетъ расположеніе и довѣріе св. Аѳанасія, дважды отправляетъ посольство къ папѣ въ надеждѣ примирить между собою Востокъ и Западъ. Чуждый всякаго раболѣпства, Василій тщательно однако поддерживаетъ свои связи въ столицѣ, чтобы, пользуясь ими, оказать иногда защиту несправедливо угнетенному или обобранному сборщиками податей.

Не таковъ былъ Златоустъ. Его сила и значеніе не въ административной дѣятельности и не въ созиданіи стѣнъ церковныхъ изъ матеріаловъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ религіи. До избранія на константинопольскую кафедру, т. е. до пятьдесятъ перваго года своей жизни, онъ не имѣлъ въ своихъ рукахъ никакой власти. Возведенный въ санъ пресвитера, онъ не былъ правою рукою своего епископа въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ ею Василій. Правда, онъ былъ любимъ и уважаемъ епископомъ Флавіаномъ, но оставался все время исключительно пастыремъ и проповѣдникомъ, руководителемъ душъ и учителемъ благочестія. Быть можетъ именно это обстоятельство сохранило ему чистоту характера и цѣлостность личности. Въ Константинополѣ онъ былъ строгимъ епископомъ и требовалъ отъ подчиненнаго ему клира нравственной чистоты и исполненія церковныхъ правилъ. Онъ боролся съ дурнымъ обычаемъ, компрометтировавшимъ церковь на Востокѣ и Западѣ,—съ такъ называемыми духовными браками, сожительствомъ неженатыхъ клириковъ съ дѣвственни-

цами. Неизвѣстно, какія административныя мѣры были приняты имъ противъ этого зла, но, несомнѣнно, онъ направилъ противъ него свое мощное слово, памятникомъ котораго служатъ сохранившіяся до нашего времени два слова противъ живущихъ съ дѣвственницами. Затѣмъ онъ возставалъ противъ пресмыкательства клириковъ предъ богатыми и противъ ихъ паразитизма. Онъ убѣждалъ ихъ довольствоваться тѣми средствами, которыя даетъ имъ церковь, и не бѣгать на пышные обѣды богачей. Нѣкоторымъ клирикамъ за порочную жизнь было даже запрещено служеніе. Отъ вдовъ новый епископъ потребовалъ, чтобы онѣ или вступали во второй бракъ или, если хотятъ причислять себя къ этому почитаемому въ церкви классу, оставили наряды и изнѣженную жизнь. Онъ старался повліять на бродячихъ монаховъ, которые своимъ недостойнымъ поведеніемъ и попрошайствомъ возбуждали презрѣніе къ самому монашеству и всевозможныя нареканія на него. Есть извѣстіе, что Златоустъ поддержалъ передъ Евтропіемъ и императоромъ просьбу Порфирія, еп. Газы, о разрушеніи языческихъ храмовъ въ Финикии, и что по его настояніямъ былъ изданъ указъ о закрытіи капищъ и истребленіи идоловъ. Въ 400 году, приглашенный въ Ефесъ для замѣщенія вакантной кафедръ, Златоустъ низложилъ шесть тамошнихъ епископовъ, купившихъ посвященное за деньги. Въ этомъ же году онъ оказалъ энергическое сопротивленіе военачальнику готовъ Гайнѣ, настаивавшему предъ императоромъ на правѣ готовъ-аріанъ имѣть одну церковь въ стѣнахъ города. Вотъ все важнѣйшее, что извѣстно намъ объ административной дѣятельности Златоуста въ саяѣ епископа. Повторяемъ, онъ былъ строгимъ и требовательнымъ епископомъ, но изъ приведенныхъ фактовъ видно, что и въ этомъ случаѣ онъ предпочиталъ дѣйствовать не столько мѣрами дисциплинарныхъ взысканій, сколько словомъ убѣжденія и нравственнымъ вліяніемъ. Трудно также сказать, насколько мѣропріятія противъ язычниковъ и Гайны соотвѣтствовали личному характеру святителя и насколько они обусловливались самымъ его положеніемъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что заботы святителя не поставили константинопольскій клиръ на такую общепризнанную высоту, на какой стоялъ клиръ Василія, и что имъ не было создано прочной организациі церковныхъ

силъ, которая стояла бы за его лицомъ. Въ чувствѣ правоты своего дѣла и незапятнанной чистоты своей личности, онъ былъ одинокъ въ Константинополь, имѣлъ противъ себя всѣ имущіе и властные классы, а на своей сторонѣ лишь любовь народа, бѣдныхъ и небольшого избраннаго кружка преданныхъ лицъ, родственныхъ ему по духу.

Далѣе, заслуга Златоуста предъ церковью не состоитъ въ выясненіи ея вѣроученія. Въ этомъ отношеніи его нельзя сравнивать съ такими борцами за правильность вѣры, какимъ былъ, напр., Аванасій Александрійскій. Онъ не внесъ съ своей стороны ничего новаго и оригинальнаго въ тотъ процессъ превращенія живой и непосредственной вѣры въ соответствующія и укрѣпляющія ее понятія и теоретическія формулы, который потребовалъ отъ восточной церкви столько усилий и сопровождался столь ожесточенной борьбой различныхъ партій и сектъ. Для исторіи догматовъ толстые фоліанты его твореній не даютъ ничего. Впрочемъ біографы¹⁾ Златоуста совершенно справедливо отмѣчаютъ тотъ фактъ, что первые шаги проповѣдника являются колеблющимися и не вполне соответствующими обнаружившейся впоследствии оригинальности его таланта. Подчиняясь общему теченію, увлекавшему его на проторенную дорогу догматическихъ разсужденій, онъ произноситъ въ первые годы своей проповѣднической дѣятельности рядъ бесѣдъ, посвященныхъ исключительно вопросамъ догматическимъ. Таковы его бесѣды противъ язычниковъ, іудеевъ и аномеевъ. Но это были ложные шаги таланта, еще не сознаващаго свою истинную оригинальность и свое призваніе въ жизни. Вскорѣ Златоустъ перешелъ къ иному способу проповѣди. Онъ включалъ въ свои бесѣды и догматическіе вопросы, но касался ихъ лишь по мѣрѣ необходимости и нуждъ паствы, главное же вниманіе посвящалъ призыву къ нравственному возрожденію. Чистоту вѣры онъ, конечно, считалъ необходимымъ условіемъ спасенія, но постоянно приглашалъ слушателей вѣровать въ простотѣ, не обнаруживать излишней пытливости и помнить, что „природа разсудочныхъ доводовъ подобна лабиринту, нигдѣ не имѣетъ конца и не позволяетъ мысли утвердиться на какомъ-

1) Aime Puech. St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris. 1891, pp. 23—25.

нибудь основаніи“¹⁾. Онъ не переставалъ повторять, что тотъ, кто содержитъ правильные догматы, а живетъ по язычески, непременно лишится вѣчной жизни.²⁾

Наконецъ, несмотря на свои продолжительные аскетическіе подвиги, четырехлѣтнее пребываніе въ монастырѣ и даже двухлѣтнее отшельничество, несмотря на свое всегдашнее уваженіе и симпатію къ монашеской жизни, Златоустъ не былъ мистикомъ, и въ его обширныхъ томахъ трудно отыскать мистическіе элементы. Но въ виду неясности самаго термина „мистицизмъ“, необходимо выяснитъ тотъ смыслъ, который соединяемъ мы съ этимъ понятіемъ. Мистика и религія не одно и то же, и эти два понятія далеко не покрываютъ другъ друга. Мистика есть одна изъ формъ религіи. Гранью, раздѣляющей ее отъ другихъ формъ религіи, служить способъ пониманія любви къ Богу, составляющей основу всякой религіи. Человѣкъ можетъ любить Бога или непосредственно, сосредоточивая на представленіи о Немъ весь запасъ своего чувства, или же въ лицѣ ближнихъ. Первая форма любви къ Богу и создаетъ мистику. Она фатальнымъ образомъ ведетъ къ искусственной культурѣ чувства, къ уединенію, къ замкнутости, къ экстазу и къ прочимъ отступленіямъ отъ законовъ жизни и природы, въ которые поставленъ человѣкъ самимъ Богомъ. Вторая форма, оставаясь по существу не менѣе религіозной, не удаляетъ человѣка изъ условій естественной и нормальной жизни. Она не отрицаетъ, а преображаетъ природу и общество. У Златоуста мы ничего не найдемъ ни о созерданіи, ни о мистическомъ экстазѣ, ни о спеціальной культурѣ чувства, ни о любви къ Богу, отрѣшенной отъ дѣятельности и любви къ человѣку. Воспѣвая гимны любви вслѣдъ за апостоломъ языковъ, предъ которымъ онъ преклонялся съ особенною любовью и уваженіемъ, Златоустъ рѣдко не разумѣетъ подъ нею заповѣданную Христомъ любовь къ человѣку или, вѣрнѣе, любовь къ Богу въ лицѣ ближняго.

Чѣмъ же былъ св. Іоаннъ Златоустъ въ исторіи христіанской церкви, какая отличительная черта характеризуетъ собою его личность и дѣятельность? Значеніе великаго

1) Златоустъ. Т, IX, 507—508.—s

2) Ibid. I, 603; IV, 738; VIII, 39.—

святителя въ исторіи состоитъ въ томъ, что онъ посвятилъ всѣ свои силы и помыслы религіозно-нравственному обновленію христіанскаго общества. Онъ былъ совѣстью міра, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ. Какъ совѣсть, онъ воздѣйствовалъ на общество силою истины и кристалльною чистотою нравственнаго осзнанія; какъ совѣсть, неподкупный и прямой, стоялъ онъ между угнетателями и угнетенными, и голосъ его, какъ голосъ совѣсти, остался незаглушеннымъ страстями.

Златоустъ былъ религіозный дѣятель. Онъ занималъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ престоловъ христіанскаго міра въ то время, когда церковь боролась съ язычествомъ и ересью и когда, получивъ господство въ государствѣ, могла воспользоваться желѣзнымъ мечемъ императора. Естественно прежде всего спросить, на какія силы опирался святитель въ своей дѣятельности?

Въ рукахъ епископа того времени легко могла оказаться и власть гражданская и физическая сила вѣрующихъ массъ, составлявшихъ уже большинство. Но св. Іоаннъ Златоустъ былъ рѣшительнымъ противникомъ такихъ средствъ.

Вѣкъ Златоуста былъ еще близокъ къ тому великому событію, когда римскій императоръ сталъ христіаниномъ. Это крупное завоеваніе церкви въ свое время наполнило сердца христіанъ, дотолѣ гонимыхъ или чувствовавшихъ свою непрочность въ государствѣ, самыми радостными надеждами. Но Златоустъ остался холоденъ къ этой побѣдѣ. Во всѣхъ его многочисленныхъ сочиненіяхъ мы не найдемъ ни одной строки, которая изобличала бы въ немъ желаніе опираться въ свой религіозной дѣятельности на власть императора, склонившагося предъ крестомъ и снявшаго свой вѣнецъ предъ останками мучениковъ¹⁾. Напротивъ, съ ясностью, недопускающей никакого сомнѣнія, онъ говоритъ: „непозволительно христіанамъ ниспровергать заблужденія принужденіемъ и насиліемъ; намъ заповѣдано словомъ, убѣжденіемъ и кротостію совершать спасеніе людей“. Ни одинъ христіанскій императоръ, продолжаетъ онъ, не издавалъ и не станетъ издавать указовъ противъ язычниковъ²⁾. Но хотя бы свѣтская власть въ своихъ заботахъ о земномъ благополучіи и была вы-

1) Златоустъ, Т. V, 574 ср. X11, 925.

2) Златоустъ. Т. II, стр. 577 ср. 733.

нуждена прибѣгать къ насилію, то для священника въ дѣлѣ религіи оно совершенно недопустимо. Царь и священникъ— это двѣ противоположности. „Царь заставляетъ, священникъ убѣждаетъ; тотъ дѣйствуетъ повелѣніемъ, этотъ совѣтомъ; тотъ имѣетъ оружіе чувственное, этотъ духовное“¹⁾.

Не менѣе энергично возстаетъ проповѣдникъ противъ возможнаго самосуда вѣрующихъ, оказавшихся въ большинствѣ, а также противъ частныхъ проявленій фанатизма и вражды въ отношеніи къ язычникамъ и сектантамъ.

Не язычниковъ и не еретиковъ нужно ненавидѣть, часто повторяетъ проповѣдникъ, а порокъ и ересь²⁾. Христіанскій фанатизмъ прикрывался въ то время, какъ и всегда, именемъ любви къ Богу и оправдывалъ себя желаніемъ охранить имя Божіе отъ оскорбленій, такъ какъ язычество и ересь разсматривались, какъ нечестіе и богохульство. Противъ этихъ оправданій Златоустъ указываетъ на примѣръ ап. Павла. Никто столько не любилъ Бога, какъ апостоль языкъ, однако, прійдя въ Аѳины и увидя городъ, наполненный идолами, онъ не сталъ укорять эллиновъ, а напротивъ, называлъ ихъ почитателями Бога Невѣдомаго, потому что „они, подобно благочестивымъ, совершали свое богослуженіе, увѣренные въ томъ, что чтутъ Бога³⁾“. Подражать примѣру апостола, питать къ язычникамъ любовь, эту великую наставницу, отклоняющую отъ заблужденій и изъ камней дѣлающую людей, Златоустъ призываетъ своихъ слушателей⁴⁾. Какъ тонкій психологъ, онъ хорошо видѣлъ, что путь религіозной вражды есть наклонная плоскость, вступивъ на которую, человекъ неудержимо катится внизъ, постепенно замыкаясь въ своей ненависти ко всему міру. Если нужно ненавидѣть враговъ Божіихъ, то свою ненависть нужно простирать не только на нечестивыхъ, но и на грѣшниковъ, ибо они не менѣе оскорбляютъ Бога, а „идя такимъ путемъ мало-по-малу мы отдѣлимся отъ большей части братій или, лучше, отъ всѣхъ, потому что никого нѣтъ безъ грѣха⁵⁾“.

Таково же было отношеніе Златоуста къ еретикамъ. Убивать ихъ не должно, ибо это дало бы поводъ къ непримирен-

¹⁾ Т. VI, стр. 412.

²⁾ Т. X, стр. 336.

³⁾ Т. I, стр. 755—756.

Ibid. 339.

Ibid. стр. 337.

мой войцѣ во вселенной ¹⁾. По свидѣтельству Созомена ²⁾, вступая на константинопольскій престолъ, въ своей первой рѣчи къ клиру и народу новый епископъ обѣщалъ искоренить ересь въ столицѣ, однако, не насиліемъ, а силою слова. Въ бесѣдѣ о св. мч. Фокѣ, произнесенной еще позднѣе, въ 403 или 404 году, онъ возвращается къ той же мысли. „Сегодня мы вступаемъ, говорить онъ, въ ратоборство съ еретиками,.. но наша война не изъ живыхъ дѣлаетъ мертвыми, а изъ мертвыхъ—живыми, изобилуя кротостью и великимъ смиреніемъ. Я гоноу не дѣломъ, а преслѣдую словомъ, не еретика, но ересь... Мнѣ привычно терпѣть преслѣдованіе, а не преслѣдовать, быть гонимымъ, а не гнать. Такъ и Христосъ побѣждалъ, не распиная, а распятый, не ударяя, но принявъ удары“ ³⁾...

Замѣчательно по высотѣ христіанскаго настроенія, по искренности тона и горячности внутренняго убѣжденія слово св. Іоанна О проклятїи и анаемѣ. Касаясь въ этомъ словѣ лишь косвенно официальной анаемы, произносимой въ извѣстныхъ случаяхъ органами церковной власти, проповѣдникъ имѣетъ въ виду проклятїя, которыми—къ удовольствїю язычниковъ—встрѣчали другъ друга ревнители различныхъ христіанскихъ общинъ, вмѣщавшихся въ стѣнахъ многолюдной Антіохїи—евстаѳіане, мелетїане, евномїане, аполлинаристы. Обращаясь къ слушателямъ, онъ много разъ съ глубокимъ волненіемъ повторяетъ: „увѣщевая и заклинаю васъ отстать отъ этого обыкновенїя“, или: „вотъ я говорю и свидѣтельствуюсь Богомъ и избранными его ангелами, что въ день суда оно будетъ причиною великаго бѣдствїя и невыносимаго огня“ ⁴⁾. Но ему возражали: „онъ еретикъ, имѣетъ въ себѣ дьявола, произноситъ хулу на Бога, своею лестїю ввергаетъ многихъ въ бездну погибели, посему онъ отверженъ отцами“ ⁵⁾. Но Злагоустъ доказываетъ своей паствѣ, что поступать такъ нельзя ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какими предлогами. Нужно подражать Христу, который называетъ своимъ ближнимъ „не священника, не ле-

¹⁾ Т. VII, стр. 482—483.

²⁾ Созомень Церков. Ист. кн. VIII. 7

³⁾ Т. II, стр. 747—748.

⁴⁾ Т. I, стр. 756—757.

⁵⁾ Ibid., стр. 754.

вита, а самарянина, отлученнаго отъ сонмища за учение и во многомъ богохульствовавшаго, потому что онъ оказался милостивымъ“ ¹⁾). Никто не имѣлъ столько любви къ Богу, какъ ап. Павелъ, но и онъ въ своихъ писаніяхъ употребилъ слово анаема только дважды, и притомъ не относя его къ опредѣленнымъ лицамъ. Апостолы и ихъ преемники, дѣйствительно, получили власть отлучать отъ церкви, но обличая и отвергая ереси, никто изъ нихъ не подвергалъ проклятію еретиковъ, „не осмѣливался произносить такого приговора“ ²⁾). Церковь, слѣдуя этимъ примѣрамъ, ежедневно возносить молитвы о всѣхъ заблуждающихся ³⁾). Да и по существу дѣла произносить анаему непозволительно. Проклинаемый или существуетъ въ этой смертной жизни или умеръ. Если онъ живъ, то отлучающій его поступаетъ нечестиво, потому что заблуждающійся находится еще въ неопредѣленномъ состояніи, а если умеръ, то тѣмъ болѣе, потому что судьба его сокрыта у Судьи вѣковъ, который одинъ знаетъ и мѣру вѣдѣнія и степень вѣры. „Почему мы знаемъ, за какія слова онъ подпадетъ обвиненію, или какъ оправдаетъ себя въ тотъ день, когда Богъ будетъ судить сокровенныя дѣла людей?“ ⁴⁾).

Все то, что говорилъ св. Іоаннъ Златоустъ противъ ненависти къ язычникамъ и еретикамъ, не было съ его стороны простымъ ораторскимъ приѣмомъ или литературнымъ оборотомъ рѣчи. Святитель осуществлялъ все это на дѣлѣ, и это впоследствии причинило ему много личныхъ огорченій. Лучшие епископы того времени стояли въ вопросѣ о внѣшнихъ средствахъ воздѣйствія на иномыслящихъ выше стремленій окружающей ихъ среды. Въ этомъ убѣждаютъ нѣкоторыя данныя изъ жизни Григорія Богослова, одного изъ предшественниковъ Златоуста на столичной кафедрѣ, равно какъ и обвиненія, съ которыми выступили противъ самого св. Іоанна его враги на соборѣ подъ Дубомъ. Григорій, какъ и Златоустъ, послѣдовательно проводилъ въ жизнь принципъ: „тайна спасенія для желающихъ, а не для насилуемыхъ“ ⁵⁾). Когда право-

¹⁾ Т. I, стр. 753.

²⁾ Ibid., стр. 754.

³⁾ Ibid., стр. 753.

⁴⁾ Т. I, стр. 756.

⁵⁾ Григорій Богословъ. Т. I, стр. 254.

славные оказались господами положенія, св. Григорій, насладившій въ столицѣ никейскую вѣру своей проповѣдью и терпѣніемъ, не пожелалъ пользоваться расположеніемъ имп. Θεодосія для преслѣдованія арианъ, и за это подвергался нареканіямъ. Ему кричали: „сколько времени управляешь ты церковью, обстоятельства тебѣ благопріятствуютъ, и царь ревностенъ къ вѣрѣ, но въ чемъ видна для насъ перемѣна?.. Кто изъ начальниковъ областей наказанъ? Кто изъ зачинщиковъ получилъ должное вразумленіе? Воспользовались ли мы чѣмъ-нибудь для себя самихъ, чтобы внушить страхъ и на будущее время?“ 1). Точно также снисходительностью и христіанскимъ отношеніемъ Златоуста къ невѣрнымъ и заблуждающимся воспользовались его враги. Одинъ изъ его обвинителей писалъ о немъ: „нѣкоторыхъ язычниковъ, великихъ враговъ христіанства, онъ принималъ, давалъ имъ прибѣжище въ церкви и защищалъ“. Его обвиняли также въ оригенизмъ за то, что онъ оказалъ покровительство такъ называемымъ длиннымъ братьямъ, гонимымъ Θεофиломъ Александрійскимъ подъ предлогомъ оригенизма. Наконецъ, Златоустъ не согласился подписать анаѳематствованіе Оригена, произнесенное кипрскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ Епифанія.

Къ числу внѣшнихъ способовъ воздѣйствія на толпы въ цѣляхъ ихъ религіознаго воспитанія, кромѣ мѣръ принужденія, относится церковное представительство во всѣхъ его видахъ: привилегіи и богатая жизнь высшихъ представителей церкви, великолѣпіе церковныхъ зданій, пышность культа. Эти средства, нисколько не обременительныя для лицъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу, а наоборотъ, во многихъ отношеніяхъ пріятныя, могутъ быть защищаемы и не по однимъ только этимъ мотивамъ. Роскошныя зданія, престижъ духовенства, красота и пышность богослуженія—все это въ глазахъ массъ, всегда поклоняющихся успѣху, сообщаетъ христіанству значительность, доказываетъ его силу, создаетъ для него обаяніе. Кромѣ того, народъ, жизнь котораго такъ бѣдна эстетическими впечатлѣніями, идетъ въ удобные и красивые храмы сначала, можетъ быть, просто ради хорошаго пѣнія и истоваго обряда, но въ церкви проповѣдуется

1) Ibid., T. IV, стр. 36—37.

Евангеліе, читается св. писаніе, поются псалмы, и хоть часть всего этого не можетъ не западать въ душу слушателей. Наконецъ, вся обстановка молитвы и богослуженія отвлекаетъ мысль человѣка отъ борьбы за пропитаніе и возноситъ ее въ міръ идеальныхъ примиреній. Но все это можетъ имѣть и свою обратную сторону. Когда религіозная жизнь начинаетъ отливаться въ такія формы, тогда легко забывается важнѣйшее въ законѣ—судъ и милость. Развивается стремленіе жертвовать непосредственно Богу, а дѣла христіанскаго милосердія, которыя сами по себѣ составляютъ душу и силу христіанства, приходятъ въ забвеніе. Далѣе, религіозное воздѣйствіе того, что мы назвали церковнымъ представительствомъ, не проникаетъ глубоко въ душу народа и, опираясь не на чисто духовные его инстинкты, не можетъ воспитывать въ немъ религіозно-нравственнаго самоопредѣленія. При извѣстной привязанности къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни, какъ красивымъ бытовымъ формамъ, очень часто проявляется глубокое равнодушіе къ самой религіи. Въ бѣдной сельской церкви по большей части къ небу несутся болѣе горячія и искреннія молитвы, чѣмъ въ богатомъ соборѣ, и пасха въ деревнѣ, при зажженной бочкѣ изъ подъ дегтя, празднуется съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ въ столицѣ при электрической иллюминаціи подъ громъ колоколовъ и пушекъ.

Инстинктивное стремленіе воспользоваться для усиленія, христіанства обаяніемъ богатства, роскоши и помпы обнаружилось въ древности вслѣдъ за объявленіемъ гонимой вѣры государственной религіей. Большіе города и особенно столица, куда, какъ къ источнику благъ, всегда стекается такъ много всякаго рода поклонниковъ успѣха, шли въ этомъ направленіи впереди провинцій. Григорій Богословъ яркими красками рисуетъ условія, при которыхъ епископъ могъ имѣть успѣхъ въ столицѣ. Онъ рассказываетъ, какъ церковныя имущества, считавшіяся достояніемъ бѣдныхъ, стали употребляться на дорогихъ лошадей, модныя коляски, шелковая одежды, роскошь стола ¹⁾. Епископъ долженъ былъ умѣть вести себя въ свѣтскомъ обществѣ, посѣщать народныя собранія и бани, быть интереснымъ собесѣдникомъ, знать

¹⁾ Григорій Богословъ. Творенія, т. III, 140—141.

съ кѣмъ и какъ перекинуть слово ¹⁾. Таковъ именно былъ предшественникъ Златоуста и преемникъ Григорія Назіанзина—Нектарій. Человѣкъ, принадлежавшій къ сенаторскому сословію, бывшій преторъ, Нектарій не думалъ отказываться отъ образа жизни, къ которому привыкъ по своему положенію. Онъ любилъ пожить и охотно давалъ жить другимъ ²⁾. За это онъ былъ любимъ клиромъ и обществомъ. Примѣры роскоши наблюдаются не только въ жизни столичныхъ епископовъ господствующей церкви, которые въ свое оправданіе могли бы сослаться то на необходимость поддерживать связи съ дворомъ, но и въ поведеніи епископовъ сектантскихъ. Даже современный Златоусту новаціанскій епископъ Сисиній, несмотря на болѣе строгую дисциплину, свойственную его общинѣ, „любилъ пышность и великолѣпіе, роскошно одѣвался въ бѣлыя одежды и два раза въ день мылся въ общественныхъ баняхъ, а когда кто-то спросилъ его, почему онъ, будучи епископомъ, моется дважды въ день, то Сисиній, не лавившій за словомъ въ карманъ, отвѣчалъ: потому, что въ третій разъ не успѣваю“ ³⁾. Лучшіе епископы не могли однако помириться съ новыми порядками и шли противъ общаго теченія. Для нихъ успѣхъ христіанства былъ связанъ не съ внѣшнимъ блескомъ, а съ чистотою жизни представителей церкви. „Я живу по старинѣ“, говорилъ про себя Григорій Богословъ ⁴⁾. Но это не всѣмъ нравилось. Его порицали за то, что „не было у него ни богатаго стола, ни соотвѣтствующей сану одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи“. „Не зналъ я, продолжаетъ съ горечью святитель, что мнѣ нужно входить въ состязаніе съ консулами, правителями областей и высшими военачальниками, которые не знаютъ, куда рачотчать свои богатства,—что и мнѣ, роскошествуя изъ достоянія бѣдныхъ, надо обременять свое чрево, необходимое употреблять на излишества, изрыгать на алтари. Не зналъ, что и мнѣ надо ѣздить на отличныхъ лошадяхъ, блистательно высѣться на колесницѣ, что и мнѣ должны быть

1) Ibid., 141.

2) Сократъ, Церк. Ист., V, 8.

3) Сократъ, Церк. Истор., кн. VI, 22.

4) Григорій Богословъ. Творенія, Т. IV, 141.

встрѣчи, приемы съ подобострастіемъ, и что всѣ должны уступать мнѣ дорогу и разступаться предо мною“¹⁾).

Св. Іоаннъ Златоустъ шель по стопамъ Григорія Бого- слова сочиненія котораго были ему извѣстны и оказали вліяніе на его пастырскій идеалъ. Небольшого роста, изможденный болѣзнію и постоянными умственными занятіями, невзрачнаго вида, съ обнаженнымъ черепомъ, онъ уже по своей внѣшности не годился для пышнаго представительства. Тотчасъ по вступленіи на константинопольскій престолъ, онъ рѣзко измѣнилъ порядки, введенные любившимъ роскошь Нектаріемъ. Потребовавъ къ себѣ приходо-расходныя книги эконома, онъ вычеркнулъ изъ нихъ всѣ излишніе расходы по содержанію архіерейскаго дома. Всякія выдачи на ненужныя постройки, сады, фонтаны, украшенія комнатъ были запрещены. Чтобы ограничить еще болѣе издержки изъ церковныхъ суммъ и чтобы сберечь время для дѣловыхъ занятій, архіепископъ отказался отъ всякихъ приемовъ и выѣздовъ, отклонялъ приглашенія на обѣды и заключилъ себя въ своемъ епископскомъ домѣ для трудовъ пастырскаго служенія и добровольной бѣдности. Въ обществѣ это обстоятельство породило множество толковъ и сплетенъ²⁾. Въ своей личной жизни Златоустъ ограничивался самымъ необходимымъ. Несмотря на слабость своего здоровья, поглощенный своими занятіями, онъ забывалъ иногда о пищѣ до вечера. Къ обѣду ему подавали немного удобоваримаго мяса. Вина онъ обыкновенно не употреблялъ, но лѣтомъ, въ жаркую погоду, разбавляя его водой, пользовался этимъ напиткомъ для прохладженія. По требованію здоровья онъ часто бралъ ванну. Отъ принятаго порядка жизни онъ не отступалъ и въ томъ случаѣ, когда у него останавливался кто-нибудь изъ епископовъ, во множествѣ стекавшихся въ столицу, хотя, вообще говоря, онъ не считалъ себя обязаннымъ оказывать имъ гостепримство, потому что благочестивые и богатые жители столицы охотно принимали ихъ у себя. Епископу берійскому Акакію, посѣтившему святителя, послѣдній предложилъ то, что обыкновенно самому ему подавалось къ столу, но это до такой степени обидѣло гостя, что, выходя изъ архіерей-

1) Ibid Твор., Т. IV, стр. 27.

2) Сократъ. Церк. Ист., VI, 4.

скаго дома, онъ съ угрозою сказалъ діакону: „я еще сварю ему похлебку“ и, дѣйствительно, впоследствии мы видимъ Акакія въ числѣ враговъ Златоуста.

Но святитель Іоаннъ пошелъ еще дальше въ духѣ лучшихъ представителей церкви своего времени. Всѣ вообще церковныя имущества считались тогда достояніемъ бѣдныхъ, и представители церкви въ моменты острой нужды не останавливались предъ продажей церковныхъ сосудовъ. Сократъ и Созоменъ приводятъ трогательный рассказъ о поступкѣ Акакія, еп. Амиды. Послѣ удачной войны съ персами во власти римскихъ воиновъ оказалось 7000 персидскихъ плѣнниковъ, которыхъ персы не могли выкупить, а воины не хотѣли освободить бесплатно. Между тѣмъ несчастные гибли отъ голода и дурнаго содержанія. Видя это, Акакій собралъ къ себѣ клиръ и сказалъ: „Богъ нашъ не имѣетъ нужды ни въ блюдахъ, ни въ чашахъ....., а такъ какъ церковь отъ усердія прихожанъ приобрѣла много золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, то цѣною ихъ прилично выкупить у воиновъ плѣнныхъ персовъ и доставить имъ пропитаніе“. Клиръ согласился, сосуды были расплавлены и драгоценный металлъ проданъ. За вырученныя деньги плѣнники получили свободу и, снабженные всѣмъ необходимымъ, были отпущены домой ¹⁾.

Златоустъ ставилъ пожертвованія въ пользу бѣдныхъ гораздо выше приношеній на украшеніе храма. Свой взглядъ онъ высказалъ по поводу евангельскаго повѣствованія о женѣ, возлившей многоцѣнное миро на главу Спасителя (Мѣ. XXVI, 6—7). По его мнѣнію, ропотъ учениковъ былъ совершенно основателенъ и вполне соответствовалъ ученію Господа. Но Христосъ принялъ женщину подъ свою защиту лишь по своему челоуѣколюбію, цѣня ея усердіе, и чтобы показать ученикамъ, „что не нужно требовать съ самаго начала высокихъ дѣлъ отъ немощныхъ людей“. „Какъ прежде этого поступка Онъ не произнесъ бы своего мнѣнія, если бы кто спросилъ Его, такъ и послѣ того, какъ жена совершила его, Онъ имѣетъ въ виду только то, чтобы она не была приведена въ смущеніе порицаніемъ учениковъ, такъ какъ послѣ возліанія такое порицаніе было уже неумѣстно“. „Такъ и ты,

¹⁾ Сократъ. Церковн. Исторія. VII, 21; Созоменъ. VII, 21.

дѣлаетъ отсюда выводъ проповѣдникъ, если увидишь, что кто-нибудь сдѣлалъ и приноситъ священные сосуды или заботится о другомъ какомъ-нибудь украшеніи церковномъ, касающемся стѣнъ и пола, — не позволяй продавать или истреблять то, что сдѣлано, чтобы не ослабить его усердія. Если же кто прежде, чѣмъ сдѣлать, скажетъ тебѣ о своемъ намѣреніи, то вели раздать нищимъ“¹⁾. Согласно этому правилу поступалъ святитель и въ своей жизни. Онъ продалъ въ пользу бѣдныхъ церковныя сосуды, великолѣпныя мраморы, которые были приготовлены его предшественникомъ Нектаріемъ для церкви Анастасіи, и имущество, оставленное церкви нѣкоей Феклой по духовному завѣщанію. Такъ какъ жертвователи умерли, то св. Іоаннъ, не боясь уже ослабить ихъ усердія, счелъ возможнымъ дать ихъ приношеніямъ другое назначеніе, болѣе соответствующее духу Евангелія. Но все это врагами епископа впоследствии было выставлено въ качествѣ обвиненія противъ него.

Средства, полученныя путемъ сокращенія расходовъ на содержаніе епископскаго дома и продажи церковныхъ имуществъ, Златоустъ употребилъ на помощь бѣднымъ и на построеніе обширной страннопріимницы, снабженной врачами, прислугой, всѣмъ необходимымъ и ввѣренной попеченію двухъ надежныхъ пресвитеровъ.²⁾

Не на физическую силу, не на обаяніе богатства и пышности полагался св. Іоаннъ Златоустъ. Онъ ясно видѣлъ, что для распространенія и укрѣпленія христіанства нужно одно. — нужно, чтобы исповѣдующіе себя христіанами на дѣлѣ осуществляли ученіе, которое они сами превозносятъ на словахъ, и которому вообще нельзя не удивляться. А такъ какъ содержаніе Евангелія состоитъ въ проповѣди любви, то только осуществленіе евангельской любви во взаимныхъ отношеніяхъ вѣрующихъ служитъ единственнымъ надежнымъ средствомъ убѣдить міръ въ божественномъ происхожденіи и безусловной необходимости для челоуѣчества ученія Христа. Не чудеса обращаютъ невѣрныхъ ко Христу, потому что они всегда

1) Златоустъ. Творенія. Т. VII, стр. 802—804.

2) Свидѣтельства, относящіяся къ этому отдѣлу собраны очень полно у Tillemont, Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premières siècles. Т. XI. p. 119—127. —

допускають возможность поддѣлки и сомнѣнія въ ихъ подлинности, а чистота жизни, въ дѣйствительности которой нельзя сомнѣваться и отрицать которую невозможно. Язычники давно уже осудили свое ученіе, видятъ его несостоятельность и на христіанское ученіе смотрятъ съ уваженіемъ. „Но ихъ соблазняетъ то, что у христіанъ нѣтъ любви“. „На словахъ философствовать легко,—многіе изъ нихъ это дѣлали, но они требуютъ доказательства на дѣлѣ“. „Дѣйствительно, продолжаетъ Златоустъ, ничто столько не соблазняетъ, какъ порокъ, да и справедливо. Вѣдь когда язычникъ увидитъ, что тотъ, кому заповѣдано любить и враговъ, лихоимствуетъ, грабитъ, побуждаетъ къ враждѣ и обращается съ одноплеменниками, какъ съ дикими звѣрями,—онъ назоветъ наши слова пустыми бреднями. Когда увидитъ, что христіанинъ трепещетъ смерти,—какъ приметъ слово о бессмертіи? Когда увидитъ, что мы властолюбивы и раболѣпствуемъ другимъ страстямъ,—то еще болѣе будетъ приверженъ къ своему ученію, не думая о насъ ничего великаго. Мы, истинно мы виноваты въ томъ, что язычники остаются въ заблужденіи“¹⁾. Отсюда ясно, почему Златоустъ былъ противникомъ враждебнаго отношенія и насильственныхъ мѣръ по отношенію къ язычникамъ и еретикамъ, почему онъ продавалъ церковныя имущества въ пользу бѣдныхъ. Обращаться съ ненавистью и мѣрами жестокаго принужденія ко всѣмъ нехристіанамъ, медлящимъ преклониться предъ Христомъ вслѣдствіе отсутствія любви между Его учениками, не значитъ-ли

¹⁾ Златоустъ Твор. VIII стр. 481—485. „Никто не остался бы язычникомъ, если бы мы были дѣйствительными христіанами. Теперь христіане многочисленнѣе язычниковъ. Между тѣмъ, когда другимъ искусствамъ одинъ можетъ научить сто отроковъ, здѣсь, несмотря на то, что есть много учителей и что ихъ гораздо больше, чѣмъ учениковъ, никто не присоединяется. Учащіеся взираютъ на добродѣтели наставниковъ и, если видятъ, что и мы того же желаемъ, чего и они, т.-е. почестей и власти, то какъ они могутъ почувствовать уваженіе къ христіанству? Они видятъ жизнь порочную, души земныя, (видятъ), что мы столько же пристрастны къ деньгамъ, какъ и они, и даже еще больше, передъ смертію такъ же, какъ и они трепещемъ, боимся бѣдности наравнѣ съ ними, въ болѣзняхъ, какъ и они, ропщемъ, одинаково любимъ власть и силу и, мучась сребролюбіемъ, стараемся уловить благопріятный случай. Итакъ, чего ради они станутъ вѣровать! Ради знаменій? Но ихъ уже больше нѣтъ. Ради жизни праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но ея и слѣда нигдѣ не видно“. Златоустъ. Т. XI, 687—688.

Подливать масло въ огонь, не значить-ли питать ихъ недостаткомъ, не значить-ли доказывать фактически недостатокъ христіанской любви? ¹⁾ Если храмы блещутъ золотомъ, мраморомъ и драгоценностями, а люди безъ пристанища умираютъ отъ голода, то не свидѣтельствуешь ли это о равнодушіи и жестокости жертвователей? Вотъ почему далѣе Златоустъ является такимъ пламеннымъ почитателемъ ап. Павла. При одномъ упоминаніи этого имени, онъ непременно дѣлаетъ отступленіе отъ предмета рѣчи, чтобы восхвалить и прославить апостола, воспѣваемаго гимнъ любви въ человѣческихъ отношеніяхъ. Но не это только, а и глубокой внутренней характеръ религіознаго настроенія ап. Павла, его борьба противъ всего внѣшняго, условнаго, временнаго въ отношеніяхъ души человѣческой къ Богу, находили для себя сочувственный отзвукъ въ родственномъ сердцѣ Златоуста. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно сравнить отношеніе святителя къ двумъ проповѣдникамъ любви апостольскаго вѣка — ап. Іоанну и ап. Павлу. Онъ преклоняется предъ тайнами, которыя возвѣщаетъ любимый ученикъ Господа, предъ его кротостью, но изъ того, какъ сравнительно рѣдко и въ какомъ тонѣ говоритъ онъ о немъ, видно, что не сынъ Заведеевъ былъ его идеаломъ.

Теперь мы коснулись самаго зерна личности Златоуста, того живительнаго ключа, изъ котораго струились всѣ его мысли, чувства, поступки. Своею цѣлью онъ поставилъ оживить совѣсть вѣрующихъ, магнетизмомъ своей личности и слова вызвать въ каждомъ отдѣльномъ сердцѣ то религіозно-нравственное одушевленіе, которое онъ носилъ въ своей собственной душѣ, чтобы опираясь на эту внутреннюю силу провести въ жизнь идеаль евангельской любви. Посвящая раскрытію этой мысли свои дальнѣйшія строки, мы попытаемся отвѣтить въ нихъ на два вопроса: какими средствами святитель надѣялся оживить совѣсть своей паствы, этотъ центръ и внутреннюю основу религіозно-нравственной жизни, и въ какихъ опредѣленныхъ формахъ хотѣлъ онъ осуществить въ обществѣ идеаль христіанской любви.

I. Для внутренняго возрожденія общества Златоустъ пользовался религіозно-нравственными вліяніями, исходящими

¹⁾ Златоустъ, Т. X, стр. 337—340.

отъ церкви. Сюда относится богослуженіе и тѣсно связан-
ныя съ нимъ чтеніе св. писанія и проповѣдь.

Богослуженіе Златоустъ признавалъ однимъ изъ самыхъ
могучихъ средствъ воздѣйствія на вѣрующихъ и настаивалъ
на томъ, чтобы его слушатели посѣщали церковь какъ мож-
но чаще.

Какъ высоко цѣнили св. Іоаннъ Златоустъ вліяніе молит-
вы и богослуженія на душу человѣка, видно изъ его цер-
ковныхъ мѣропріятій въ Константинополѣ. Такъ какъ мно-
гіе мужчины, занятые днемъ дѣлами, не имѣли возможно-
сти посѣщать богослуженіе днемъ, то для нихъ святитель
ввелъ ночныя богослуженія, къ огорченію духовенства,
привыкшаго дорожить своимъ ночнымъ покоемъ. Эти бого-
служебныя собранія, начинаясь съ полуночи, были предна-
значены исключительно для мужчинъ. Таково же было зна-
ченіе введенныхъ Златоустомъ процессій съ крестами и свѣ-
тильниками въ противовѣсъ процессіямъ и антифонамъ
аріанъ, собиравшихся по субботамъ и воскресеньямъ у го-
родскихъ воротъ.

Вся сумма впечатлѣній, получаемыхъ человѣкомъ въ цер-
кви, по ученію Златоуста, производитъ обновляющее и воз-
вышающее дѣйствіе на его нравственное состояніе. „Полу-
чивъ великую пользу и душевное утѣшеніе не только отъ
поученія, но и отъ молитвы, и отъ отеческаго благословенія,
и отъ общаго собранія, и отъ многого другого, человѣкъ
возвращается изъ церкви, принося домой безчисленныя бла-
га“. ¹⁾ Но главнымъ источникомъ вліянія въ богослуженіи слу-
жить чтеніе св. писанія и проповѣдь. Первое получало осо-
бенную важность потому, что дороговизна рукописей дѣла-
ла въ то время біблію недоступной для бѣдныхъ. Система-
тическое чтеніе св. Писанія въ церкви могло замѣнить его
домашнее употребленіе. Кто, говоритъ св. Іоаннъ въ одной
изъ своихъ проповѣдей, неопустительно посѣщаетъ церковь и
внимательно слушаетъ, что въ ней читаютъ, тотъ уже въ
теченіе одного года можетъ ознакомиться со всѣмъ св. пи-
саніемъ. ²⁾

Но св. писаніе, чтобы стать руководствомъ жизни, нужда-

¹⁾ Творенія. Т. II. 563—564.

²⁾ Ibid. Т. IV. стр. 297.

ется въ истолкованіи и примѣненіи къ конкретнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ, въ которыя поставленъ человекъ. Отсюда необходимость проповѣди, и она то составляла настоящее величіе Златоуста. Какъ древній пророкъ, онъ полагалъ свое жизненное призваніе въ томъ, чтобы быть глашатаемъ любви и правды, звучать надъ міромъ призывнымъ колоколомъ, радуясь усиѣхамъ и не смущаясь видимымъ безплодіемъ своихъ словъ. „Я убѣдилъ душу свою, говоритъ онъ, чтобы доколѣ буду дышать, и Богу угодно будетъ продолжить мою настоящую жизнь, исполнять служеніе проповѣдника и дѣлать повелѣнное, будетъ ли кто слушать меня или не будетъ слушать“ ¹⁾.

Чтобы имѣть вліяніе, онъ приблизилъ себя къ народу и умѣлъ сдѣлать свою проповѣдь для всѣхъ понятной. Созоменъ рассказываетъ, что Златоустъ имѣлъ обыкновеніе проповѣдывать не съ епископской кафедры, а съ амвона чтеца, ставившагося тогда въ срединѣ церкви, и это имѣетъ символическое значеніе для всей его дѣятельности. Какъ бы нисходя съ высоты своего іерархическаго положенія, онъ смѣшивался съ народомъ, опрошался, входилъ совѣтникомъ, обличителемъ и утѣшителемъ въ его подавленную заботами, непониманіемъ и страстями среду. Окруженный со всѣхъ сторонъ паствой, онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производятъ его слова на слушателей, чтобы тотчасъ же разсѣять возникшее недоразумѣніе, развить свою мысль подробнѣе, отвѣтить на недоумѣніе, призвать къ вниманію. Его бесѣды, записанныя стенографически, позволяютъ видѣть и наблюдать это постоянное взаимодействіе, образующее какъ бы замкнутый токъ между проповѣдникомъ и паствой. При чтеніи ихъ въ сознаніи встаютъ цѣлыя картины. Всякій разъ чувствуешь, когда проповѣдникъ съ своимъ призывомъ идетъ навстрѣчу стремленіямъ своихъ слушателей и когда онъ борется съ своей аудиторіей. Позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ. Въ одной изъ бесѣдъ на кн. Бытія Златоустъ развиваетъ мысль о происхожденіи власти и вдругъ, прерывая свою рѣчь, обращается къ слушателямъ: „но воспряните духомъ и оставьте небрежность. Для чего говорю это? Мы излагаемъ вамъ писаніе, а вы,

¹⁾ Ibid. Т. I, стр. 770 ср. т. IV, 442—443; 822.

отведши глаза отъ насъ, устремляете ихъ на лампы и на зажигающаго лампы. Какая это небражность — оставить насъ, смотрѣть на это!.. И никто изъ васъ, возлюбленные, не считай этого обличенія тяжкимъ: мы обличаемъ не по ненависти, а по желанію вамъ добра“ ¹⁾. Очень часто проповѣдника прерывалъ взрывъ рукоплесканій. Если это было въ срединѣ проповѣди, онъ иногда удерживалъ отъ этого своихъ восторженныхъ почитателей. Такъ въ одной бесѣдѣ читаемъ: „вы рукоплещете? Но теперь не время рукоплесканій, а послѣ можете и рукоплескать и подражать“ ²⁾. Златоустъ не былъ принципиальнымъ противникомъ этого способа одобреній. Правда, часто онъ говоритъ, что слушатели доставили бы ему больше утѣшенія, если бы вмѣсто рукоплесканій принимали его совѣты и осуществляли ихъ въ жизни ³⁾, но въ подобныхъ случаяхъ онъ не возражаетъ противъ самого обычая. Конечно, не тщеславіемъ была внушена такая снисходительность, а пользою дѣла. Бурные знаки одобренія указывали на то, что проповѣдь слушаютъ съ увлеченіемъ, что она оказываетъ свое дѣйствіе, что, пользуясь благоприятнымъ моментомъ, ее можно продолжить. Заканчивая одну изъ своихъ бесѣдъ, проповѣдникъ обратился къ слушателямъ съ просьбой, чтобы они, возвратясь домой, передали ея содержаніе домочадцамъ, не присутствовавшимъ въ церкви, и такимъ образомъ къ обычной вечерней трапезѣ присоединили трапезу духовную. На другой день онъ начинаетъ свою проповѣдь словами: „что же, предложили ли вы двоякую трапезу?“ И отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „знаю, что вы это сдѣлали и вкусили не только той, но и этой трапезы... и это узналъ я не отъ слуги вашего или домочадца, а отъ достовѣрнѣйшаго вѣстника. Отъ кого же? Это—ваши рукоплесканія сказанному, похвала преподаванному. Когда я вчера сказалъ: „пусть каждый изъ васъ сдѣлаетъ домъ свой церковью“, вы громко воскликнули, выражая удовольствіе по поводу этихъ словъ. А кто съ удовольствіемъ слушаетъ то, что говорятъ, тотъ обнаруживаетъ готовность показать это на дѣлѣ. Поэтому я сегодня еще съ большимъ усердіемъ приступаю къ бесѣдѣ“ ⁴⁾. Въ другой бесѣдѣ читаемъ: „радуюсь и вос-

¹⁾ Ibid. Т. IV, 747—748.

²⁾ Ibid. Т. X, стр. 39.

³⁾ Ibid. Т. I, стр. 511—513. 636. Т. IV, стр. 2, 577.

⁴⁾ Ibid. Т. IV, стр. 760—761. Ср. стр. 23.

хищаюсь, видя, что вы съ удовольствіемъ слушаете меня и своими рукоплесканіями показываете, что вы стараетесь расположить себя къ примиренію съ врагами и привести въ исполненіе эту заповѣдь Господню“ ¹⁾. Приведемъ еще одну выдержку, показывающую, какъ искусно пользовался Златоустъ настроеніемъ слушателей. Онъ описываетъ, что происходило во время проповѣди о неосужденіи ближнихъ, произнесенной въ предшествовавшее воскресеніе. „Рѣчь наша, говоритъ онъ, продлилась тогда долго, безмѣрно долго, какъ никогда еще не бывало, и многіе ожидали, что отъ такой продолжительности слова погаснетъ въ васъ усердіе къ слушанію; но вышло противное: въ васъ еще больше разгоралось сердце, болѣе воспламенялось усердіе. Изъ чего же это видно? Изъ того, что рукоплесканія подъ конецъ увеличились и восклицанія усилились... Сначала собраніе волновалось не сильно; но когда рѣчь простерлась далеко, обняла всѣ части предмета, и предложено было обильнѣйшее наставленіе, тогда то именно и разгорѣлась въ васъ охота къ слушанію, и стали раздаваться сильнѣйшія рукоплесканія. Поэтому я тогда, хотя и располагалъ было сказать меньше, нежели сколько сказалъ, преступилъ однакожъ обыкновенную мѣру; а лучше сказать, нисколько не преступилъ я мѣры, потому что количество ученія привыкъ я измѣрять не множествомъ словъ, но расположеніемъ слушающихъ“ ²⁾. Не буква и не внѣшнія формы жизни были важны для св. Іоанна Златоуста, а внутреннее настроеніе и успѣхъ Евангелія... Но не одни только рукоплесканія выражали настроеніе слушателей. Мы видимъ, какъ постепенно церковь умолкаетъ, подавленная картиннымъ описаніемъ смертнаго часа, когда душа, вспоминая о своихъ прегрѣшеніяхъ, готова бываетъ покинуть тѣло, чтобы предстать предъ страшнымъ судилищемъ ³⁾. Въ другой разъ трогательное описаніе жертвоприношенія Исаака исторгаетъ у слушателей обильныя слезы ⁴⁾. То же самое происходитъ подъ вліяніемъ словъ проповѣдника о плачѣ Давида, услышавшаго о гибели Саула, и тотчасъ

¹⁾ Ibid. IV, 282.

²⁾ Ibid. Т. II, стр. 212.

³⁾ Ibid. Т. I, 792—793.

⁴⁾ Ibid. Т. X, стр. 498.

же пастырѣ пользуется минутой размягченія сердець, чтобы непосредственно обратить возникшее чувство въ моральный актъ. „Вы растроганы теперь, заплакали, возмутились духомъ, и ваши глаза готовы проливать слезы? Вспомни же каждый теперь, пока еще сердце горитъ печалью, о своемъ врагѣ и оскорбителѣ, береги его при жизни и оплакивай послѣ смерти,—не на показъ, а отъ души и отъ чистаго сердца“¹⁾.

Изъ виѣшнихъ пріемовъ, которыми пользовался проповѣдникъ, можно отмѣтить три слѣдующіе. Во-первыхъ, онъ любилъ дѣлать обширныя вступленія къ своимъ бесѣдамъ, что не всегда нравилось слушателямъ. Но это обыкновение имѣло для себя серьезныя основанія. Предварительныя замѣчанія вводили слушателей, преимущественно простыхъ, въ сущность вопроса, подготавливали ихъ къ пониманію главнаго предмета рѣчи. Далѣе, такъ какъ рядъ бесѣдъ часто представлялъ собою нѣчто цѣлое, то необходимо было установить между ними связь и дать понятіе о сказанномъ уже тѣмъ слушателямъ, которые не присутствовали въ предшествовавшихъ богослужебныхъ собраніяхъ²⁾.

Во-вторыхъ, Златоустъ старался разнообразить содержаніе своихъ бесѣдъ, по возможности не посвящать ихъ раскрытію исключительно одного какого-нибудь предмета. Это было важно уже въ томъ отношеніи, что поддерживало вниманіе слушателей. Для простаго человѣка трудно въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени сосредоточивать свое вниманіе на одной какой-либо мысли, но рѣчь, въ которой затрогиваются различные предметы, является для него болѣе доступной. Сверхъ того проповѣдникъ хотѣлъ, чтобы каждый изъ слушателей извлекъ хоть что-нибудь полезное изъ его словъ. „Я не знаю, говорить онъ, больныхъ, не знаю и здоровыхъ, потому предлагаю всякаго рода поученія, потребныя въ болѣзняхъ всякаго рода: обличаю то корыстолюбіе, то обьяденіе, иногда осуждаю любострастіе, иной разъ восхваляю милосердіе и убѣждаю къ нему; иной разъ—другія добродѣтели. Я опасаюсь, чтобы, разсуждая въ поученіи объ одной болѣзни, не забыть уврачевать другихъ, тогда какъ вы страдаете ими“³⁾.

¹⁾ Ibid. Т. IV, стр. 853.

²⁾ Ibid. Т. III, стр. 126.

³⁾ Ibid. Т. VIII, стр. 148--149.

Третій приѣмъ состоялъ въ настойчивости, съ которою проповѣдникъ возвращался къ одному и тому же предмету. Замѣтивъ въ паствѣ какой-нибудь порокъ, не имѣющей глубокихъ корней въ самой природѣ чловѣка или въ устройствѣ общества, и поэтому надѣясь искоренить его словомъ, онъ систематически, въ каждой проповѣди въ теченіе долгаго времени призывалъ слушателей къ борьбѣ съ этимъ порокомъ, пока не достигалъ нѣкоторыхъ результатовъ. Такъ почти въ каждой бесѣдѣ о статуяхъ онъ возстаетъ противъ клятвы, цѣлый рядъ бесѣдъ направленъ также противъ гнѣва. Самъ Златоустъ указываетъ и основанія, побуждающія его поступать такимъ образомъ... „Если кто захочетъ, говоритъ онъ, съ корнемъ исторгнуть страсть, укоренившуюся и долго живущую въ душѣ, то для этого недостаточно однодневнаго или двухдневнаго увѣщанія, а нужно часто и въ продолженіи многихъ дней бесѣдовать объ этомъ предметѣ... пока не увидимъ, что внушеніе перешло въ дѣло“¹⁾.

Таковы внѣшніе приѣмы проповѣди Златоуста, оближавшіе его съ народомъ и обезпечивавшіе ему возможность вліянія на паству. Что касается самыхъ задачъ ея, то, не касаясь пока ея содержанія, или самыхъ нравственныхъ идеаловъ святителя, задачи эти можно свести къ двумъ основнымъ.

Первая состояла въ томъ, чтобы обострить совѣсть паствы, очистить ея нравственное сознаніе, дать почувствовать грѣховность обычныхъ формъ жизни, вредъ и изменность порока. Обращаясь къ совѣсти, онъ дѣйствовалъ на нее силою убѣжденія и совѣта. „Мы не повелѣваемъ, возлюбенные, говоритъ онъ, вашей любви, не деспотически приказываемъ вамъ. Мы поставлены для поученія васъ словомъ, а не для начальствованія и самовластія надъ вами; наше дѣло совѣтовать вамъ и увѣщевать. Совѣтникъ говоритъ, что ему должно, но не принуждаетъ слушателя, предоставляя ему полную свободу—принять или не принять совѣтъ. Онъ будетъ виновенъ только въ томъ случаѣ, если не скажетъ того, что ему поручено“²⁾. Но совершенно не соответствовало бы дѣйствительному характеру проповѣдника, если бы мы стали представлять его себѣ всегда кротко поучающимъ.

1) Ibid. T. IV, 831—832.

2) Ibid. XI, 104.

Истинная любовь и нравственный пагосъ—это не тепленькая водица, усыпляющая своимъ мѣрнымъ журчаніемъ. Святое негодованіе охватывало часто вселенскаго учителя при видѣ жестокосердія и суетности. Историкъ Сократъ не даромъ говоритъ, что, по словамъ одного изъ близкихъ къ Златоусту лицъ, этотъ послѣдній „съ ранней юности обнаруживалъ въ своемъ характерѣ болѣе суровости, нежели ласковости“¹⁾. Голосъ его, какъ укоряющая совѣсть преступника, часто звучалъ гнѣвомъ. Говоря однажды о безсердечіи богатыхъ, которые видятъ въ бѣдномъ только притворщика, онъ восклицаетъ: „и ты не боишься такими словами навлечь на себя молніи свыше? Простите, я дрожу отъ гнѣва... И ты еще спрашиваешь, для чего геена? Спроси лучше, почему только одна геена“²⁾? Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ не мало примѣровъ, съ какою силою и какъ властно бичевалъ онъ порокъ и жестокосердіе.

Для проповѣдника, проникнутаго несокрушимой вѣрой въ силу совѣсти и могущество нравственнаго начала въ чело-вѣкѣ, какимъ былъ Златоустъ, обнажить предъ сознаніемъ страждущаго нравственнымъ недугомъ скрытые мотивы его дѣйстви и разоблачить предъ нимъ софистику страсти значило сдѣлать главное. И на это именно святитель обращалъ главное вниманіе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ внимательно прочесть его бесѣды противъ живущихъ съ дѣвственницами. Здѣсь проповѣдникъ со смѣлостью и творческой оригинальностью высокихъ дарованій не стѣняется касаться самыхъ интимныхъ сторонъ чело-вѣческой природы и безжалостно срываетъ маску съ притворной добродѣтели. Послѣ одного изъ подобныхъ обличеній, онъ говоритъ: „никогда не переставайте рыдать объ этомъ и терзаться, такая скорбь будетъ для васъ началомъ исправленія. Для того то я и усилилъ мое слово, чтобъ сдѣлать рану глубже, избавить васъ отъ гніенія зараженныхъ членовъ и возвратитъ вамъ совершенное душевное здравіе“³⁾. Великій знатокъ чело-вѣческой души, онъ былъ убѣжденъ, что даже въ тѣхъ слу-чаяхъ, когда проповѣдь по внѣшности остается безплодной,

1) Сократъ. Церковная Исторія. Кн. VI, 3.

2) Златоустъ. Творенія. Т. X. стр. 207—209.

3) Ibid. Т. VII, 11.

въ дѣйствительности она не пропадает даромъ. Разъ потревоженная совѣсть уже не успокоится. Пусть по слабости человѣкъ продолжаетъ вести порочную жизнь, но однажды сознавая грѣховность такой жизни остается внутреннимъ жаломъ и надеждой возрожденія. Внутренно порокъ уже сломанъ. Вотъ интересное и характерное мѣсто въ первомъ словѣ о Лазарѣ. Наканунѣ Златоустъ говорилъ противъ пьянства. Его слова не оказали дѣйствія, и бесплодность ихъ подала поводъ къ насмѣшкамъ. Увидѣвъ нѣкоторыхъ вчерашнихъ слушателей проповѣдника снова въ корчемницѣ, многіе говорили: „такъ хорошо они убѣдились; совсѣмъ никто не пошелъ въ корчемницу; всѣ отрезвились!“ На это самоотверженный и терпѣливый учитель христіанской жизни далъ знаменательный отвѣтъ: „пусть будетъ, что никто не убѣдился моими словами, хотя невозможно, чтобы осталось бесплоднымъ слово, посѣянное вслухъ столь многихъ; но пусть это будетъ такъ, однако и въ такомъ случаѣ слово мое не бесполезно. Если они и входили въ корчемницу, то входили уже не съ такимъ безстыдствомъ, и за столомъ часто вспоминали о словахъ моихъ, укоризнѣ, обличеніи и, вспоминая, стыдились, краснѣли мысленно и дѣлали обычныя дѣла уже не съ такою наглостію. А вполне почувствовать стыдъ, вполне осудить дѣла свои, это — начало спасенія и прекрасной перемѣны“. А затѣмъ Златоустъ возлагаетъ надежду на настойчивость своей проповѣди. „Не убѣдиль я сегодня, говоритъ онъ, но можетъ быть успѣю убѣдить завтра. И завтра не успѣю? Но можетъ быть послѣ завтра или еще въ послѣдующій за тѣмъ день“ ¹⁾.

Но Златоустъ не ограничивался обличеніями. Какъ руководитель совѣсти, онъ ставилъ своею второю задачею указать практическій способъ осуществленія нравственныхъ принциповъ въ жизни. Возставая противъ разврата, половыхъ излишествъ и жизни, растрчиваемой на наслажденія дурного тона, онъ убѣждаетъ родителей „не медлить связывать дѣтей брачными узами“, пока ихъ сыновья еще не познакомились съ куртизанками и не вошли во вкусъ подобныхъ развлеченій. Онъ не стѣсняется входить въ подробное обсужденіе этой темы и, замѣтивъ нѣкоторое движеніе среди

¹⁾ Ibid. T. I. 769—771.

слушателей, прибавляетъ: „Не правда-ли, я говорю точно сваха; но я не стыжусь говорить это, потому что и Павелъ не стыдился, когда говорилъ: не лишайте себе другъ друга,... потому что онъ обращалъ вниманіе не на слова, а на поступки, которые хотѣлъ исправить посредствомъ словъ“¹⁾.

Поразительна широта духовнаго опыта и сила наблюдательности, которыми пользуется проповѣдникъ для подобныхъ же цѣлей. Современная психологія установила научно связь чувства съ выражающими его тѣлодвиженіями, въ силу которой какъ чувство стремится само собою обнаружиться въ жестъ, такъ, наоборотъ, жестъ, тѣлодвиженіе вызываетъ соотвѣтствующее чувство. Но это явленіе было хорошо извѣстно Златоусту эмпирически, и онъ пользуется этимъ, чтобы указать слушателямъ легкой способъ борьбы съ гнѣвливіостью. „Крикъ — это конь, имѣющій своимъ всадникомъ гнѣвъ. Смири коня и побѣдишь всадника. Пусть выслушаютъ это съ особеннымъ вниманіемъ женщины, потому что они особенно любятъ кричать и шумѣть во всякомъ дѣлѣ... Если ты хочешь провѣрить наши слова на дѣлѣ, то воздерживайся всегда отъ крика, и ты никогда не придешь въ гнѣвъ. Вотъ способъ укрощенія гнѣва! И какъ невозможно разгнѣваться тому, кто удерживается отъ крика, такъ невозможно не притти въ гнѣвъ тому, кто кричитъ... Какъ невозможно, не поднимая рукъ, вступить въ кулачный бой; такъ невозможно, не поднимая крика, предаться грѣву... Крикъ же возбуждаетъ гнѣвъ и тогда, когда его нѣтъ“²⁾. Этихъ двухъ примѣровъ достаточно, такъ какъ въ дальнѣйшемъ мы постоянно будемъ имѣть дѣло съ примѣненіемъ евангельскаго идеала къ жизни, что и составляетъ въ собственномъ смыслѣ содержаніе проповѣди Златоуста.

Великій святитель понималъ, что нравственное возрожденіе общества нельзя связывать съ одною личностію и все основывать на ея авторитетѣ. Онъ хотѣлъ поэтому возбудить нравственную самодѣтельность личности и паствы. Для него было важно зажечь свѣтъ Евангелія въ каждой отдѣльной душѣ, въ нее самое перенести учителя и обличителя. Такъ какъ его собственная религіозно-нравствен-

1) *ibid.* XI, 518—520.

2) *ibid.* XI, 132—133.

ная жизнь питалась словомъ Божиимъ, то постоянное, систематическое чтеніе библіи онъ старался ввести въ домашній обиходъ каждаго христіанина. Онъ настойчиво совѣтуетъ всѣмъ, даже бѣднымъ, приобрѣтать св. писаніе и читать его дома—въ семьѣ. Этотъ непосредственный источникъ внутренняго обновленія оказываетъ благодатное вліяніе на всю религіозную жизнь человѣка. „Даже одинъ видъ Евангелія дѣлаетъ насъ болѣе воздержными отъ грѣха; если мы и дерзнемъ на что-нибудь запрещенное и сдѣлаемъ себя нечистыми, то, возвратившись домой и взглянувъ на эти книги, мы осуждаемъ себя въ совѣсти и дѣлаемся менѣе склонными къ повторенію тѣхъ же грѣховъ. Какъ только кто касается Евангелія, то тотчасъ благоустраиваетъ умъ свой и при одномъ взглядѣ на него отрѣшается отъ всего житейскаго. Если же присоединится и внимательное чтеніе, то душа, какъ бы вступая въ таинственное святилище, очищается и дѣлается лучшею, такъ какъ съ нею бесѣдуетъ Богъ чрезъ эти писанія“¹⁾.

Въ связи съ историческимъ пониманіемъ писанія и нравственно-практическимъ отношеніемъ къ нему стоитъ увѣренность св. Іоанна Златоуста въ простотѣ, ясности и общедоступности библіи. Онъ не искалъ, подобно александрійцамъ, религіозныхъ тайнъ подъ покровомъ буквы, но видѣлъ, что непосредственнаго значенія слова Божія достаточно для спасенія и высокой христіанской жизни, что каждый изъ насъ во всякій моментъ своей жизни, допросивъ совѣсть при свѣтѣ Евангелія, получаетъ изъ него абсолютно достовѣрное указаніе, какъ ему должно поступить, чтобы остаться достойнымъ ученикомъ Христа. „Благодать Духа для того и устроила, что эти книги сложили мытари, рыбаки, скототворцы, пастухи козъ и овецъ, люди простые и неученые, чтобы они были понятны и всѣмъ.“ „Для кого не ясно все, что заключается въ Евангеліяхъ? Кто, слыша, что блаженны кроткіе, блаженны милостивые, блаженны чистые сердцемъ и подобное этому, будетъ нуждаться въ учителѣ, чтобы сколько нибудь понять сказанное? А обстоятельства знаменій, чудесъ и историческихъ повѣствованій не всякому-ли понятны и ясны?“ Вмѣстѣ съ

1) *ibid.* Т. 1, 803 стр. 137. 297.

этимъ онъ даетъ простому человѣку совѣтъ, какъ нужно поступить въ случаѣ затрудненій. „Возьми въ руки книгу; прочитай всю исторію; понятное удержи въ памяти, а неясное и непонятное прочти нѣсколько разъ; если же и при частомъ чтеніи не въ состояніи будешь понять того, о чемъ говорится, ступай къ мудрѣйшему, поди къ учителю, свесись съ нимъ о сказанномъ, покажи великое усердіе, и Богъ, видя, что ты употребляешь такое стараніе, не презритъ твоей неусыпной заботливости; если человѣкъ не изъяснитъ тебѣ искомага, то Онъ Самъ несомнѣнно откроетъ“¹⁾.

Чтобы развить въ паствѣ навѣкъ читать и понимать писаніе, св. Іоаннъ почти въ каждой изъ своихъ бесѣдъ объясняетъ извѣстный отдѣлъ священнаго текста, стараясь привлечь слушателей къ дѣятельному участию въ этомъ. Онъ совѣтуетъ слушателямъ, приходя домой изъ церкви, брать біблію и стараться воспроизвести въ памяти сказанное проповѣдникомъ²⁾. Иногда онъ указывалъ трудности въ пониманіи извѣстнаго мѣста, но не разрѣшалъ ихъ самъ, а предоставлялъ подумать объ этомъ самимъ слушателямъ. Онъ хотѣлъ приучить паству не всегда принимать уже приготовленную пищу, но и самостоятельно искать разрѣшенія затрудненій. Онъ сравниваетъ себя съ голубкой, которая кормитъ птенцовъ изъ собственнаго клюва, пока они въ гнѣздѣ, а когда крылья ихъ подростутъ, то выманиваетъ ихъ, показывая имъ издали принесенныя зерна, и затѣмъ бросаетъ пищу на землю, чтобы научить ихъ самихъ отыскивать для себя кормъ.

Въ дѣлѣ вліянія на паству св. Іоаннъ Златоустъ искалъ помощи и поддержки въ самой паствѣ. Религіозно-правственное возрожденіе онъ хотѣлъ сдѣлать цѣлью общихъ стремленій для всѣхъ членовъ церкви и призывалъ ихъ къ взаимопомощи на этомъ пути. „Что успѣю сдѣлать я одинъ? Я не могу одинъ каждый день быть съ вами; не достаетъ силъ бесѣдовать съ такимъ множествомъ. Если же вы захотите принять участіе въ спасеніи другъ друга и взять на себя каждый по одному изъ безпечныхъ братій, то у насъ быстро пойдетъ дѣло назиданія“³⁾. И дѣйствительно, во многихъ слу-

1) Ibid. Т. I. 804.

2) Ibid. III. 76—77, 88.

3) Ibid. I. 774.

чаяхъ Златоустъ обращается къ слушателямъ съ просьбой слѣдить другъ за другомъ и помогать другъ другу въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія¹⁾. Но преимущественно онъ возлагалъ надежду на семью и чрезъ нее старался провести евангельскій идеалъ въ жизнь. Каждую семью онъ хотѣлъ обратить въ церковь, а главу семьи въ священника и миссіонера. Призывая къ этому своихъ слушателей, онъ доказываетъ имъ, что такая задача не превышаетъ ихъ силъ. „Каждый, если захочетъ, имѣетъ возможность учить“. Каждый хозяинъ дома долженъ учить жену, дѣтей, рабовъ, и при этомъ онъ находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ священникъ. Проповѣдникъ бесѣдуетъ съ своими духовными чадами одинъ-два раза въ недѣлю, отецъ семейства всегда съ своими домочадцами; священникъ не знаетъ хорошо всѣхъ нравственныхъ недуговъ слушателей, отецъ семейства прекрасно знаетъ характеръ окружающихъ его лицъ²⁾. Нерѣдко Златоустъ даетъ совѣты, какъ нужно приступать къ исправленію пороковъ и какими мѣрами вліять на окружающихъ. Вотъ, напр., совѣтъ мужу, котораго онъ призываетъ бороться со страстью жены къ нарядамъ и притираніямъ. „Мужъ достигнетъ цѣли, если не вдругъ все станетъ запрещать женѣ, но начнетъ съ легчайшаго, къ чему она не особенно привязана. Если ты вдругъ захочешь исправить ее, то ни мало не успѣешь. И такъ не отнимай у ней тотчасъ же драгоценныхъ уборовъ, но позволь ей нѣкоторое время пользоваться ими. Эти украшения можно считать меньшимъ зломъ въ сравненіи съ разными притираніями и намащеніями. Итакъ сначала уничтожь притиранія; да и это дѣлай не со страхомъ и угрозами, но убѣжденіями и ласками: говори, что за это осуждаютъ и произноси свой собственный судъ и мнѣніе, и чаще напоминай ей, что тебѣ не только не нравится такое украшеніе лица, но и весьма непріятно; увѣрай ее, что это очень огорчаетъ тебя; потомъ, произнесши свой собственный судъ, присоединяй къ этому мнѣніе другихъ; говори, что это безобразитъ и красивыхъ женщинъ, чтобы такимъ образомъ истребить страсть ея. Не говори ей ничего

1) Ibid. IV, 19; 75—76; 298; 822; I, 513.

2) Ibid. III, 87.

ни о геенѣ ни о царствіи, потому что напрасно будешь говорить объ этомъ; но увѣрь, что она болѣе тебѣ нравится въ такомъ видѣ, въ какомъ Богъ сотворилъ ее, а когда она разглаживасть, натираетъ и намащуетъ лице свое, то и другимъ не кажется красивою и благовидною. А когда смягчишь ее такимъ убѣжденіями, тогда уже говори ей и о геенѣ и о царствіи. И если много разъ ты будешь говорить ей, и она не послушаетъ тебя, и тогда не переставай повторять ей словъ своихъ, впрочемъ не со враждой, а съ любовію; и иногда показывай какъ бы недовольный видъ, а иногда ласкай и угождай ей“ 1). Подобныя же наставленія даетъ святитель относительно борьбы съ страстію любостяжанія 2).

И. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Ibid. Т. VII, 337.

2) Ibid. X, стр. 106—109.